

Творчество В.В. Маяковского в оценке критиков и литературоведов

Б. Пастернак

Какая радость, что существует и не выдуман Маяковский — талант, по праву переставший считаться с тем, как пишут у нас нынче... Поэзию привлекут к поэту две вещи: «Ярость творческой его совести. Чутье неназревшей еще ответственности перед вечностью — его судилищем».

(Из статьи «Владимир Маяковский. “Простое как мычание”»)

Едва ли найдется в истории другой пример того, чтобы человек, так далеко ушедший в новом опыте, в час, им самим предсказанный, когда этот опыт, пусть и ценой неудобств, стал бы так насущно нужен, так полно бы от него отказался. Его место в революции, внешне столь логичное, внутренне столь принужденное и пустое, навсегда останется для меня загадкой. <...>

Тут была та бездонная одухотворенность, без которой не бывает оригинальности, та бесконечность, открывающаяся с любой точки жизни, в любом направлении, без которой поэзия — одно недоразуменье, временно неразъясненное.

И как просто было это все. Искусство называлось трагедией. Так и следует ему называться. Трагедия называлась «Владимир Маяковский». Заглавье скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, но — предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержания.

(Из повести «Охранная грамота»)

М. Цветаева

Брак поэта с временем — насильственный брак. Брак, которого, как всякого претерпеваемого насилия, он стыдится и из которого рвется — прошлые поэты в прошлое, настоящие в будущее... Вся советская поэзия — ставка на будущее. Только один Маяковский, этот подвижник своей совести, этот каторжанин нынешнего дня, этот нынешний день возлюбил: то есть поэта в себе превозмог.

(Из статьи «Поэт и время»)

...Говоря о данном поэте, Маяковском, придется помнить не только о веке, нам непрестанно придется *помнить* на век вперед. Эта вакансия: первого в мире поэта масс — так скоро-то не заполнится. И оборачиваться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придется не назад, а вперед. <...>

Когда я говорю «глашатай масс», мне видится либо время, когда все такого росту, шагу, силы, как Маяковский, были, либо время, когда все такими будут. Пока же, во всяком случае, в области чувствований, конечно, Гулливер среди лилипутов, *совершенно таких же, только очень маленьких* <...>

Ритмика Маяковского — физическое сердцебиение — удары сердца — застоявшегося коня или связанного человека... Маяковский, даже в своей кажущейся свободе, связан по рукам и ногам. О стихах говорю, ни о чем другом. <...>

Важная особенность — Маяковский-поэт весь переводим на прозу, то есть рассказуем своими словами, и не только им самим, но любым. И словаря менять не приходится, ибо словарь Маяковского — сплошь обиходен, разговорен, прозаичен (как и словарь «Онегина», старшими современниками почитавшийся «подлым»). Утрачивается только сила поэтической речи: маяковская расстановка, ритм...

(Из статьи «Эпос и лирика современной России»)

Владимир Маяковский, двенадцать лет подряд верой и правдой, душой и телом служивший —

Всю свою звонкую силу поэта
Я тебе отдаю, атакующий класс! —

кончил сильнее, чем лирическим стихотворением — лирическим выстрелом. Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил.

Если есть в этой жизни самоубийство, оно не там, где его видят, и длилось оно не спуск курка, а двенадцать лет жизни.

Никакой державный цензор так не расправлялся с Пушкиным, как Владимир Маяковский с самим собой.

Если есть в этой жизни самоубийство, оно не одно, их два, и оба не самоубийства, ибо первое — подвиг, второе — праздник. Цревозможение природы и прославление природы.

Прожил как человек и умер как поэт.

(Из статьи «Искусство при свете совести»)

...Своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то, за каким-то поворотом, долго еще нас будет ждать.

(Из статьи «Эпос и лирика современной России»)

Ю. Тынянов

Маяковский возобновил грандиозный образ, где-то утерянный со времен Державина. Как и Державин, он знал, что секрет грандиозного образа не в «высокости», а только в крайности связываемых планов — высокого и низкого, в том, что в XVIII веке называли «близостью слов неравно высоких», а также «сопряжением далековатых идей». <...>

Маяковский в ранней лирике ввел в стих личность не «стершегося поэта», не расплывчатое «я» и не традиционного «инока» и «скандалиста», а поэта с адресом. Этот адрес все расширяется у Маяковского; биография, подлинный быт, мемуары вырастают в стих («Про это»). Самый гиперболический образ Маяковского, где связан напряженный до истерики высокий план с улицей, — сам Маяковский.

(Из статьи «Промежуток»)

Р. Якобсон

Поэтическое творчество Маяковского от первых стихов в «Пощечине общественному вкусу» до последних строк едино и неделимо. Диалектическое развитие единой темы. Необычайное единство символики. <...>

Я поэта — это таран, тарыхтящий в запретное Будущее; это «брошенная за последний предел» воля к воплощению Будущего, к абсолютной полноте бытия: «надо вырвать радость у грядущих дней». <...>

Вершина цикла — стихи Сергею Есенину. Обдуманно парализовать действие предсмертных есенинских стихов — такова, по словам Маяковского, целевая установка этого стихотворения. Но когда читаешь его сейчас, оно звучит еще могильнее, чем последние строки Есенина. Эти строки ставят знак равенства между жизнью и смертью, а у Маяковского на сей день один довод за жизнь — она труднее смерти.

(Из статьи «О поколении, растратившем своих поэтов»)

Г. Шенгели

Поэзия Маяковского и есть поэзия люмпен-мещанства.

Правда, в литературной работе Маяковского различимы две фазы. Первая — его стихи до революции, — в которых он вообще бунтовал, ниспровергал и бранился. И вторая — когда он, «попробованный всеми, пресный», пришел к пролетариату, заверил, что «сегодня я удивительно честный», и стал в стихах посылно содействовать революционному строительству. Но если идеология обеих фаз и различна, то психология, а равно и техника остались одинаковыми, в силу чего и революционные стихи Маяковского имеют мало общего с подлинным духом революции.

В стихах первого периода поражает изобилие строк, говорящих о дурном настроении поэта, о неврастеническом восприятии мира...

Слово «нервы» так и пестрит: «нервы, должно быть», «у нервов подкашиваются ноги» и пр. Бессонницы — привычное состояние...

Деклассированность — вот та почва, на которой взрастает и беспредметная революционность анархизма, и перманентный вызов хулигана, и животная жажда «развлечений», разъедающая вечернюю улицу. На этой же почве выросла вся эмоциональная напряженность дореволюционной поэзии Маяковского.

И вся его враждебность к буржуазному укладу, все эти заявления, что кому-то «сытому, как Сытин», «взял бы да и дал по роже», все эти призывы: «выше вздымайте, фонарные столбы, окровавленные туши лабазников», — только неврастеническое дребезжание люмпен-мещанской души, но отнюдь не подлинная революционность, как думали некоторые наивные критики. Уже в семнадцатом году Маяковский не нашел для революции других слов, как:

...сбывается
Социалистов великая ересь.

До такой степени туманны и сбивчивы были его представления...

Спрашивается: почему Маяковского кто-то считает поэтом революции? Неужели достаточно наклеить на футуристские хромые ходули разрозненные листки из «Памятки пионера», изданной каким-нибудь Крыжопольским уездом, чтобы считаться поэтом величайшего в истории социального сдвига?

Мне скажут: а «Левый марш»? Да, «Левый марш». Довольно темпераментная вещь, в которой Маяковский счастливо воспользовался старым как мир приемом рефрена, припева. Но в этом маленьком стихотворении ряд неряшливостей и промахов. Например, автор призывает:

Клячу истории загоним...

Кажется, довольно твердо установлено марксизмом, что социальная революция — исторически необходима и неизбежна; история работает на нее. Зачем же «клячу истории» загонять? Затем, призывая «за океаны», — Маяковский командует:

Шаг миллионный печатай...

Это значит — опять по воде пешкодером? А комичный конец:

Кто там шагает правой?
Левой, левой, левой...

Шагают и правой, и левой попеременно; прыгать на одной ножке по меньшей мере утомительно.

В лихом чтении Маяковского эти промахи стусеваются, — но все же они есть. И в оценке, данной этому стихотворению Блоком: «а все-таки хорошо», слова «а все-таки» относятся именно к промахам, которых поэт более высокой культуры, чем Маяковский, не допустил бы.

О мелких стихах последних лет говорить не приходится. Стихи против взяточников, стихи против непомерного количества заседаний, стихи о выгодах выигрышного займа, стихи на первое мая, стихи о том, что производство растет и пр., и пр., едва ли кому-нибудь помнятся. В этом их приговор. Несколько удачных строк, — а в остальном те же, набившие оскомину схемы, те же абстракции и та же анархическая суетня, та же неувязка концов с концами.

Став «удивительно честным», Маяковский покончил с собой: не смея по-старому выворачивать свое лирическое, пусть непривлекательное, нутро, не умея никак слиться с революцией и прощупать в ней нечто живое, изумительно живое, — он бесконечно повторяет свои же штампы.

Это перепевание было отмечено еще Брюсовым в его статье о современной поэзии, хотя он и ставил еще Маяковского на одно из первых мест.

Люмпен-мещакин Маяковский был революционер до революции. После же переворота он стал просто вне-революционер.

И скучен.

(Из статьи «Маяковский во весь рост»)

Д. Шостакович

Я пытался писать музыку на стихи Маяковского, но это оказалось очень трудным, как-то не получалось. Должен сказать, что переложить стихи Маяковского на музыку очень трудно, мне особенно трудно это сделать, так как в моих ушах и сейчас звучит чтение Маяковского и мне бы хотелось, чтобы в музыке нашли себе место интонации Маяковского, читающего свои стихи.

(Из книги «Маяковский в воспоминаниях современников»)

Л. Брик

Маяковский все переживал с гиперболической силой — любовь, ревность, дружбу. Он не любил разговаривать. Он всегда, ни на час не прекращая, сочинял стихи. Вероятно, поэтому так нерастраченно вошли в них его переживания.

(Из статьи «Чужие стихи»)

Н. Асеев

И до сей поры существуют, например, наивные утверждения, что Маяковский не соблюдал канонического размера, так как не умел писать классическими размерами, точно существовал когда-нибудь неизменный, раз навсегда заданный рецепт писания стихов! И до сих пор не переваривают некоторые люди сложность и богатство ритмов, связанных со сложностью и богатством оттенков человеческой речи, тем больше звучащей в стихе, чем выше и богаче его качество.

(Из «Воспоминаний о Маяковском»)

Ю. Олеша

Когда я вспоминаю Маяковского, я тотчас же вижу эти глаза — сквозь обои, сквозь листву. Они на меня смотрят, и мне кажется, что в мире становится тихо, таинственно. Что это за взгляд? Это был взгляд гения...

Это был король метафор... Среди тысячи созданных им метафор он создал одну, которая потрясает меня. Говоря о силе слов, он сказал, что той силе слов, которой «рукоплетут ложи», он предпочитает ту силу, от которой «Срываются гроба шагать четверкою своих дубовых ножек». Так мог сказать только Данте. <...>

Я несколько раз предпринимал труд по перечислению метафор Маяковского. Едва начав, каждый раз я отказывался, так как убеждался, что такое перечисление окажется равным перечислению всех его строк.

(Из книги «Ни дня без строчки»)

Л. Тимофеев

Новым в стихе Маяковского было не разрушение силлабо-тонического строя — оно было и до него. И кроме того, он в ряде случаев и не отказывался от силлабо-тонического стиха. Новым было введение в строку паузы как элемента ритма, во-первых, и превращение слова в самостоятельную единицу, во-вторых. Это разрушало слоговую симметрию старого, в основном фразового стиха, позволяло строить стих лишь на чередовании ударных слогов, поддержанных паузами, разрушало силлабо-тоническую схему.

(Из статьи «Системность поэтики Маяковского»)

Г. Адамович

Нет твердых, бесспорных оснований утверждать, что среди молодых советских поэтов идет сейчас нечто вроде «переоценки» Маяковского. Но, по-видимому, молодежь стремится установить свое, особое отношение к нему, отношение, не совсем сходящееся с тем, которое господствовало еще недавно. Интересна и показательна в этом смысле дискуссия, отчет о которой был помещен в июльской книжке журнала «Октябрь» за 1963 год.

Литературная судьба Маяковского сложилась так, как не могла бы она сложиться ни в одной стране, где существует свобода мнений. Всем известно, что при жизни поэта у него было множество врагов, с настойчивой яростью отрицавших его значение и даже его дарование. Однако вскоре после смерти Маяковского Сталин назвал его «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», и, разумеется, в тот же день, в тот же час язвительные критические выпады сменились сплошным славословием. Один из ораторов, выступавших на той дискуссии, о которой я упомянул, утверждает, однако, что «нет ничего ошибочнее мысли, будто слава Маяковского рождена отзывом Сталина».

Так это или не так, разбирать сейчас не станем. Но вот что удивительно: даже и теперь, когда, по словам того же оратора, «культ личности успешно преодолевается», даже и теперь нельзя себе представить, чтобы появилась в Советском Союзе статья, где в ценности творчества Маяковского были бы высказаны сомнения. В этом смысле положение его таково же, как и положение Максима Горького. Как и Горький, он до сих пор вне критики, он — надкритикой, на недостижимой для нее высоте, и, очевидно, читатели с этим свыклись и не находят в этом ничего ненормального. А между тем единство и однообразие допускаемых в печать восторгов искусственно, и, наверное, оно не соответствует, да и не может соответствовать истинному отношению к Маяковскому или к Горькому в многомиллионной стране. <...>

Маяковский — великий поэт? Горький — великий прозаик? Допустим, оставим сейчас эти вопросы открытыми. Но ведь и Пушкин был, кажется, великим поэтом. Между тем о Пушкине и при его жизни, и позднее писалось Бог знает что, и это ничуть не повредило его славе. Ткачев после выхода «Войны и мира» печатно заявил, что «в этом романе бездарно все, начиная с названия», и все-таки Толстой остался Толстым. ... Рано или поздно это насильственное единогласие, это общеобязательное славословие должно обернуться против тех, кого оно будто бы возвеличивает, и намеки на это можно найти в отчете о той же дискуссии, где сказано, например:

«Некоторые товарищи склонны полагать, что величие Маяковского связано с той формулой, которой он удостоился в годы культа... Они полагают, что критику культа следует распространить и на эту формулу о якобы лучшем и талантливейшем».

Несомненно, какое-то «переосмысливание» Маяковского намечается в наши годы повсюду — даже и вне советской России, среди тех литераторов и ценителей поэзии, которые к поклонникам его не принадлежат. Огромный талант его почти никем уже не оспаривается. Однако признание таланта все-таки не то нее самое, что возникновение любви к таланту, и надо сказать правду: есть люди, только поэзией или только для поэзии и живущие и все-таки неспособные Маяковского полюбить.

Отталкивают не его приемы, не внешние особенности его поэзии, да и как же не видеть, что он был неистоимо находчив в словосочетаниях, неистоимо остроумен и блестящ даже и тогда, когда ломал русский язык в угоду своим футуристическим прихотям? ...Гораздо хуже то, что сквозит в самых прославленных поэмах его, охарактеризованных, кстати, на дискуссии как «бессмертные шедевры»: развязность, поза, ходульное, вызывающее панибратство со всем миром и даже с самой вечностью, самоуверенное похотывание, отсутствие «словечка в простоте»...

А талант, повторяю, был огромный, редкий, и надо иметь «пробку вместо уха» (выражение Ремизова, впрочем, по другому поводу), чтобы этого не расслышать. На эстраде Маяковский бывал неотразим. Читал он свои стихи изумительно, как не прочтет ни один артист. Но напрасно было бы искать в его книгах того, что люди ищут и находят у Пушкина или у Тютчева, у Лермонтова или у Блока: он не только не даст им ничего глубокого, облагораживающего, неподдельно человеческого, но отшвырнет их, да вдобавок еще и выругается.

Может быть, Маяковский сам чувствовал, что был по отношению к своему таланту предателем? Как знать! Умер он рано, умер трагически, и о том, как бы развивался дальше его талант, мы можем только гадать.

(Из статьи «Судьба Маяковского»)

Е. Евтушенко

Своей огромностью Маяковский заслонял свою незащищенность, и она не всем была видна — особенно из зрительного зала. <...>

Великанское в Маяковском было не наигранным, а природным. Кувшины были чужие, но голос — свой. Поэзия Маяковского — это антология страстей по Маяковскому, — страстей огромных и незащищенных, как он сам.

С Лермонтовым Маяковского роднила ненависть ко всему тому, что уничтожает в человеке большие страсти, делая людей обезличенно похожими не только в социальных, но и в интимных отношениях. В Маяковском — и печоринский сардонизм, и отчаяние Арбенина, и задыхающийся, сбивчивый голос затравленного героя «Мцыри». Презрение к тому, что Пушкин и Лермонтов называли «чернью», было в генетическом коде Маяковского.

(Из статьи «Огромность и незащищенность»)

Ю. Карабчиевский

Душевная мука — первый личный мотив, на который мы отсылаемся в стихах Маяковского и в подлинность которого не можем не верить. <...>

Восприятие мира как чего-то целостного, пронизанного непостижимой тайной, было напрочь ему несвойственно. Он видел мир как совокупность частей, имеющих определенную геометрическую форму, механически соединенных между собой и действующих также по законам механики (абсолютно, кстати, ему неведомым, но как-то само собой понимаемым). <...>

...Чувством слова он был наделен замечательным — но только в ограниченном, поверхностном слове, доступном глазу и слуху. Правильно было бы о нем сказать, что он обладал чрезвычайно острым, порой гениальным, чувством словесной поверхности.

Стихи Маяковского могут нравиться, ими можно восхищаться, их можно любить — но их нельзя пережить, они не про нас. И это, конечно же, не оттого, что Маяковский пишет всегда о себе, а, напротив, оттого, что о себе он не пишет. Его стихи всегда декларация, никогда не исповедь. И даже если он провозглашает: «исповедь!» — все равно декларация. <...>

Никакие блага, никакие почести, ни те немногие, что воздавались ему тогда, ни даже те, что воздаются сегодня, не могут сравниться с его страшным подвигом, не могут служить за него платой. Он дал этой власти дар речи. Не старая улица, а новая власть так бы и корчилась безъязыкая, не будь у нее Маяковского. С ним, еще долго об этом не зная, она получила в свое владение именно то, чего ей не хватало: величайшего мастера словесной поверхности, гения словесной формулы. <...>

Отношение к Маяковскому всегда будет двойственным, и каждый, кто захочет облегчить себе жизнь, избрав одного Маяковского, будет вынужден переступить через другого, отделить его, вернее, отделять постоянно, никогда не забывая неблагодарной этой работы, никогда не будучи уверенным в ее успехе. <...> Притяжение к Маяковскому рано или поздно вызывает отталкивание — как естественный и очень понятный защитный рефлекс. И однако, тем более, страшной серьезности его как явления уже никто не в силах оспорить. В сущности, он совершил невозможное. Действуя в бесплодном, безжизненном слое понятий, общаясь лишь с поверхностным смыслом слов, с оболочкой людей и предметов, он довел свое обреченное дело до уровня самой высокой поэзии... Его вершина пуста и гола, не сулит взгляду ни покоя, ни радости, — но она выше многих соседних вершин и видна с большого расстояния. Так будет всегда, хотим мы этого или нет. В этом исключительность Маяковского, его странное величие, его непоправимая слава.

(Из книги «Воскресение Маяковского»)

В. Ковский

Сталинская оценка Маяковского — одна из тех дьявольских мин, которыми диктатор начинил всю нашу историю и которые «срабатывают» полвека спустя. Государственная опека лишила Маяковского единственного достойного способа защиты — когда имя поэта оберегает сама поэзия, напрямую выходящая к читателю, к неискаженному читательскому восприятию. Ю. Карабчиевский прав, утверждая, что стихи его мы «изучали — не по Маяковскому. Мы изучали их по воспитательнице в детском саду, по учительнице в классе, по вожатой в лагере. Мы изучали их по голосу актера и диктора, по заголовку газетной статьи, по транспаранту в цехе родного завода и по плакату в паспортном отделе милиции».

(Из статьи «“Желтая кофта” Ю. Карабчиевского»)